

## ГЛАГОЛЫ МАНЕРЫ ГОВОРЕНИЯ В ФУНКЦИИ РЕЧЕВВОДНЫХ В БЕЛОРУССКОМ И БРИТАНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

В статье приводится подробный анализ лексико-семантической группы глаголов манеры говорения в белорусской и британской ремарке. В рамках анализируемой глагольной группы представлены пять подгрупп, которые отражают различные аспекты манеры говорения. Глаголы исследуемой лексико-семантической группы употребляются как в узуальном, так и в окказиональном речевом значении. Глаголы манеры говорения проявляют более высокую частотность в белорусской ремарке, что отражает позицию соавторства актуального говорящего по отношению к чужой реплике и тенденцию к ее комментированию.

Глаголы манеры говорения рассматривались исследователями в различных ракурсах и назывались характеризующими глаголами, глаголами звука/звучания/фонации, глаголами, указывающими на форму представления речи [1; 2; 3; 4; 5].

В настоящем исследовании под глаголами манеры говорения мы понимаем те речевводные глаголы, которые не только передают, но и характеризуют реплику исходного говорящего. Семантика глаголов данной группы содержит эмоциональные и оценочные компоненты. Посредством глаголов данной ЛСГ автор позволяет себе различными способами комментировать то, каким образом и с каким отношением было произнесено чужое высказывание.

Группа глаголов, выражающих манеру говорения, подлежит дифференциации на пять подгрупп. Анализ текстового материала выявил тот факт, что глаголы манеры говорения проявляют более высокую частотность в белорусской ремарке (12,2 против 8,4 % в британской ремарке); при этом показатели частотности каждой из пяти выделенных подгрупп в белорусской художественной прозе выше соответствующих показателей в британской прозе (таблица).

Частотность представленности подгрупп лексико-семантической группы глаголов манеры говорения в белорусской и британской ремарке, %

| №<br>п/п | Подгруппы глаголов<br>манеры говорения             | Ремарка     |            |
|----------|----------------------------------------------------|-------------|------------|
|          |                                                    | белорусская | британская |
| 1        | Антропоцентрическая<br>манера говорения            | 4,7         | 3,4        |
| 2        | Интенсивность манеры говорения                     | 3,5         | 2,5        |
| 3        | Звуки, присущие животным                           | 1,4         | 1          |
| 4        | Звуки, характерные<br>для неодушевленных предметов | 1           | 0,8        |
| 5        | Механическое действие                              | 1,6         | 0,7        |

Рассмотрим текстовые примеры употребления глаголов, характеризующих манеру говорения, в рамках выделенных пяти подгрупп.

### I. Антропоцентрическая характеристика говорения:

- 1) – *О то газета!.. І складна ж нехта написаў, – забасіў* Парфен [6, с. 47];
- 2) *Натолік ледзь-ледзь усміхнуўся і прамармытаў:*  
– *Але... зробіш... якраз... ого... зробіш...* [7, с. 21];
- 3) *'Football,' he mouths at her* [8, p. 52];
- 4) *'I thought you'd gone off it,' he muttered* [9, p. 163];
- 5) *'I'm sorry,' she babbled...* [10, p. 16];
- 6) *'That's him,' mumbles Stella nervously* [11, p. 7].

Как следует из самого названия подгруппы, семантика этих глаголов всегда предполагает характеристику человеческой речи: их лексикографическое и текстуальное значения являются речевыми. Например, глагол *забасіў* (пример 1) в соответствии со словарем означает «гаварыць, спяваць басам» [12, т. 1, с. 347]. Аналогичным образом, глагол *мармытаць* (пример 2) – «гаварыць ціха і невыразна» [12, т. 3, с. 110], а также английские глаголы *mouth* «говорить напыщенно», *mutter* «бормотать», *babble* «лепетать» (примеры 3–6) предполагают определенную характеристику речевой деятельности, как в словарном значении, так и в значении, реализованном в контексте.

По результатам анализа подгруппа глаголов, обозначающих антропоцентрическую характеристику говорения, является наиболее частотной из всех выделенных подгрупп. Эти глаголы составляют 4,7 и 3,4 % в британском и белорусском дискурсах соответственно (см. таблицу).

**II. Интенсивность говорения.** Мы предлагаем объединить все глаголы, передающие фонационные характеристики и выделяем подгруппу глаголов, характеризующих интенсивность говорения, т.е. степень громкости, с которой было произнесено высказывание исходного говорящего:

- 1) – *У Дзвіну іх! – выгукнуў* Богуш, і вакол таксама *закрычалі:* – *У Дзвіну!* [13, с. 251];
- 2) – *Во дае! – усклікнуў* Лазавік [14, с. 80];
- 3) *'Entrez, Madame,' I whisper* [15, p. 67];
- 4) *'Something funny?' Wilcox yelled in her ear...* [9, p. 130];
- 5) *'This is not a criminal family!' exclaims* Nana Price [11, p. 12].

Как показывают примеры, глаголы выделенной подгруппы характеризуют интенсивность, т.е. степень громкости, с которой произнесена реплика персонажа. Например, в лексикографическом источнике глагол *выгукнуць* (пример 1) означает «гучна прамовіць, выкрыкнуць» [12, т. 1, с. 530], а глагол *to whisper* «шептать» (пример 3) означает «speak very softly without vibration of the vocal cords» «говорить очень тихо без вибрации голосовых связок» [16, p. 1598]. Среди всех подгрупп рассматриваемой ЛСГ глаголы, характеризующие интенсивность говорения, находятся на втором месте по уровню частотности и составляют 3,5 и 2,5 % в белорусском и британском дискурсах соответственно (см. таблицу).

### III. Звуки, присущие животным:

- 1) – *Баліць*, – *нішчу* я і лезу да мамы [7, с. 16];
- 2) – *Ком карова! Бістро! Ты поняль?* – *прагергетаў* фельдфебель... [17, с. 93];
- 3) *Стась горбіцца*, набычвае галаву, коса пазіраючы на бацьку, невыразна *мычыць*:  
– *Сам ідзі ў ветэрынары...* [7, с. 13];
- 4) ...*каржакаваты*, у белым, завязаным на паясніцы *фартусе*, *павярнуў* да яго шырокі, рабы, нейкі зусім не германскага выгляду твар і нешта *прабурчэў*, нязлосна так: «Я-я» [17, с. 67];
5. ‘*Temple Grove Rest Home!*’ *squawks* Jeannie. <...> *There’s a short pause. ‘Again!’ cackles* Jeannie, making the radio rattle with her hoarse, herbal laughter [11, p. 17];
6. *Lola put her speckled hand to her mouth. ‘Sor-reeee!’ she hooted* [18, p. 15];
7. *Vic grunted. ‘Don’t talk to me about television’* [9, p. 163].

Рассмотрим первичные лексикографические значения некоторых глаголов, используемых в приведенных выше текстовых фрагментах:

- нішчаць* – «рабіць піск (пра **птушак і жывёл**)» [12, т. 4, с. 262];  
*гергетаць* – «гагатаць (пра **гусей**)» [12, т. 2, с. 46];  
*бурчаць* – «утвараць глухія гукі, выказваючы незадавальненне або пагрозу (пра **жывёл**)» [12, т. 1, с. 424];  
*to cackle* – «emit a clucking sound as of a hen or goose» ‘кудахтать, гоготать; издавать звук, присущий курице или гусю, ухать’ [16, p. 182];  
*to hoot* – «utter an owl’s cry» ‘издавать крик **совы**, ухать’ [16, p. 653];  
*to grunt* – «make a low guttural sound made by a pig» ‘издавать низкий гортанный звук, издаваемый **свиньей**’ [16, p. 602].

Как мы видим, в качестве первичных значений словарь фиксирует звуки, присущие животным. Несмотря на то, что первичное значение таковых глаголов предполагает звучание, оно все же не является речевым, поскольку понятие речевой деятельности может быть применимо только к человеку. Словарь, однако, фиксирует и вторичное речевое значение у глаголов выделенной подгруппы, которое в приведенных контекстах становится актуальным, поскольку глаголы, обозначающие звуки, присущие животным, используются в авторских ремарках для характеристики именно человеческой речи. Доказательством тому служат субъекты при выделенных глаголах (*she* ‘она’, *Vic*, *Jeannie*, *Стась*, *Міхась*, *фельдфебель*), а также сами реплики, произносимые человеком, для характеристики которых рассматриваемые глаголы употребляются в ремарках (*Again!* ‘Снова!’, *Баліць* и т.д.). Таким образом, глагол *гергетаць* используется в данном контексте в своем вторичном значении ‘гаварыць на незразумелай мове’ (пример 2), а глагол *нішчаць* употребляется в значении ‘гаварыць або спяваць тонкім пісклявым голасам’ (пример 1). Аналогичным образом, текстуальными значениями глаголов *hoot* ‘ухать’ и *grunt* ‘хрюкать’ (примеры 6, 7) являются их вторичные речевые значения:

*to hoot* – «make loud sounds, esp. of scorn, disapproval, or merriment» ‘издавать громкие звуки, особенно с целью выразить презрение, неодобрение или веселье’) [16, p. 653];

*to grunt* – «make a low inarticulate sound resembling this (grunt), esp. to express effort, assent, fatigue etc.» ‘издавать низкие нечленораздельные звуки, которые напоминают звуки, издаваемые свиньей, особенно с целью выразить усилие, согласие, усталость и т. д.’ [16, p. 602].

Данную подгруппу мы относим к типу глаголов с узуальным речевым значением, поскольку их речевое значение зафиксировано в словаре и является вторичным. В подобных случаях имеет место метафорический перенос: актуальный говорящий характеризует особенности произнесения чужой реплики путем сравнения со звуками, присущими животным. По результатам проведенного исследования глаголы выделенной подгруппы используются в составе ремарок в обоих дискурсах для характеристики человеческой речи и составляют 1,4 и 1 % в белорусской и британской ремарке соответственно (см. таблицу).

#### IV. Звуки, характерные для неодушевленных предметов:

- 1) *Гуж адразу ж падлавіў гэты яе позірк і загудзеў злым басам:*  
– *Вот швэндаешся на палёх, нямецкія часці разглядваеш* [17, с. 38];
- 2) *Ану, смаркач, – прашынеў ён, – прабачэння прасі!* [19, с. 324];
- 3) *‘It’s stress!’ trumpets Nana Price* [11, p. 12];
- 4) *‘Shut up,’ snaps Archie* [20, p. 113];
- 5) *‘It’ stress, pet lamb,’ she rasps, inhaling loudly on her cigarette* [11, p. 11].

Текстовый материал показал, что глаголы, которые в своем основном значении предполагают звуки, производимые неодушевленными предметами, также используются в ремарках британских и белорусских авторов с целью характеристики манеры говорения.

Например, глагол *прашынеў* (пример 2) используется в данном контексте для характеристики речевой деятельности, а именно той реплики, которую он вводит (*Ану, смаркач, прабачэння прасі!*). Обратим внимание, что первичное лексикографическое значение глагола *шынець* – «утвараць глухія гукі, якія нагадваюць доўгі гук “ш” (пра жывёл, пра яду, газ, паветра, пену, хвалі, работу механізмаў)» – хотя и предполагает звуки, издаваемые животными или производимые неодушевленными предметами, все же не является речевым. В данном контексте реализуется его вторичное речевое значение, зафиксированное в словаре: «гаварыць здушаным, сіплым голасам, у якім адчуваюцца злосць, раздражненне» [12, т. 5, кн. 2, с. 225].

Аналогичным образом, в соответствии со словарем, первичное значение глагола *to snap* (пример 5) не является речевым и означает «break suddenly or with a snap» ‘ломать неожиданно или с треском, щелканьем’ [16, p. 1315]. Однако в ремарке (*snaps Archie*) нет указания на какой-либо предмет, который исходный говорящий с треском ломает. В данном случае актуальным становится четвертое лексикографическое значение рассматриваемого

глагола: «speak irritably or spitefully» ‘говорить раздраженно или с презрением’ [16, p. 1315], особенно с учетом смысла самой реплики исходного говорящего (*shut up* ‘замолчи’).

Глаголы выделенной подгруппы составляют 1 и 0,8 % в белорусской и британской ремарке соответственно (см. таблицу).

**V. Глаголы механического действия.** Анализируя глаголы, характеризующие манеру говорения, путем их сравнения с глаголами механических действий, А. М. Хисматулина отмечала, что в семантике их первичных значений сема речи отсутствует. Однако под влиянием речевой семы репрезентируемого компонента (реплики) сема ‘механическое действие’ погашается, а сема речи возникает в трансформировавшейся семантической структуре глагола [21]:

1) *А пан Іван хмурыцца, маўчучы або жорстка адрэзваючы:*

– *Нашчадкі зразумеюць, калі займеюць сапраўдную спадчыну, а не зламаны грош!* [6, с. 99–100];

2) – *Перастань ты сябе катаваць, – кінуў я* [22, с. 75];

3) *Уваходзіць у хату, здароўкаецца і, без усякіх прадмоў, траскучым голасам цягне:* «Найсвяцейшая матка...» [7, с. 17];

4) ‘...*I don’t want to teach, or go in for civil service. And medicine interests me...*’ He **broke off** as a thought occurred to him [18, p. 27];

5) *The woman from the council <...> shook her skinny head in agreement. <...> it’s muggins here who has to ‘which was overlapped by the nurse: ‘She can’t stay here alone, can she...’* [20, p. 10].

Глаголы рассматриваемой подгруппы приобретают речевое текстуальное значение в результате метафорического переноса. Обратимся к первичным значениям глаголов, используемых в приведенных выше ремарках:

*адрэзаць* – «аддзяліць частку чаго-небудзь рэжучым інструментам» [12, т. 1, с. 174];

*кідаць* – «штуршком прымушаць ляцець, падаць тое, што знаходзіцца ў руцэ» [12, т. 2, с. 682–683];

*цягнуць* – «узяўшы за край, канец чаго-небудзь, перамяшчаць, набліжаць да сябе з сілай, намаганнем» [12, т. 5, кн. 2, с. 275–276];

*break off* – «*detach by breaking*» ‘отделять, отламывая’ [16, p. 159].

Как свидетельствуют словарные дефиниции, первичные значения глаголов рассматриваемой подгруппы являются неречевыми и обозначают некое механическое действие. Однако контексты показывают, что в ремарках нет объекта, на который могло быть направлено механическое действие, обозначенное в первичном значении данных глаголов (*жорстка адрэзваючы; кінуў я; he broke off*). Это служит еще одним подтверждением того, что в подобных случаях в ремарке актуализируется вторичное речевое значение речевводного глагола. В частности, «рэзка і ў катэгарычнай форме сказаць, заявіць» для глагола *адрэзаць*; «гаварыць, выказваць што-небудзь рэзка, нечакана» для глагола *кідаць; cease talking* «перестать говорить» для глагола *break off* [12; 16]. Заметим, что у глагола *цягнуць* речевое значение в словаре

зафиксировано только семнадцатым. Тем не менее именно это значение является актуальным в данном контексте: «павольна, марудна гаварыць, спяваць» [12]. Таким образом, в примерах 1–4 текстуальное речевое значение глаголов является узуальным, поскольку зафиксировано в лексикографическом источнике. Однако в ряде случаев словарь вообще не фиксирует речевое значение. В подобных ситуациях оно является окказиональным. Так, в примере 5 глагол *overlap*, первичное значение которого «partly cover (another object)» ‘частично покрыть (другой предмет)’ [16, р. 974], приобретает речевое значение только в конкретном контексте, где используется в значении ‘говорить параллельно с кем-либо’ (*which was overlapped by the nurse* ‘няня начала говорить параллельно’). Как показал анализ материала, глаголы со значением механического действия, которые используются в ремарке для характеристики манеры говорения, проявляют более высокую частотность в белорусской ремарке, где составляют 1,6 против 0,7 % в британской ремарке (см. таблицу).

С прагматической точки зрения более высокая частотность глаголов, характеризующих манеру говорения, в белорусском дискурсе по сравнению с британским свидетельствует о намерении белорусских авторов выносить в ремарку не только сам факт речевого действия, но также дополнительную информацию о персонаже, его реплике и исходной ситуации говорения. Выявленная специфика отражает позицию соавторства актуального говорящего по отношению к чужой реплике и тенденцию к ее комментированию.

Таким образом, результаты анализа свидетельствуют о том, что глаголы, характеризующие манеру говорения, обладают следующими характеристиками.

1. Они представлены в белорусской и британской ремарке пятью подгруппами: антропоцентрическая характеристика говорения; интенсивность говорения; звуки, присущие животным; звуки, характерные для неодушевленных предметов; глаголы, обозначающие механическое действие.

2. Глаголы, характеризующие манеру говорения, употребляются как в узуальном, так и в окказиональном речевом значении.

3. Глаголы данной группы проявляют более высокую частотность в белорусской ремарке (12,2 против 8,4 % в британской ремарке); при этом показатели частотности каждой подгруппы в белорусском дискурсе также выше соответствующих показателей в британской прозе (см. таблицу).

4. Глаголы антропоцентрической характеристики говорения обнаруживают наиболее высокую частотность в обоих дискурсах (4,7 и 3,4 % в белорусской и британской ремарке соответственно), а подгруппа глаголов интенсивности говорения является второй по частотности (3,5 и 2,5 % в белорусской и британской ремарке соответственно) (см. таблицу).

5. Глаголы, характеризующие манеру говорения, используются автором не только и не столько для констатации факта говорения, но призваны определенным образом комментировать то отношение, с которым исходный говорящий произнес реплику.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Горегляд, Е. Н.* Глаголы речи в белорусском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 ; 10.02.01 / Е. Н. Горегляд ; Акад. наук Беларуси, Ин-т языкознания. – Минск, 1994. – 27 с.
2. *Павлова, Е. И.* Фонационные глаголы в современном английском языке как явление паралингвистики : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. И. Павлова ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1983. – 16 с.
3. *Новицкая, Е. О.* Семантические особенности глаголов не-речи, вводящих прямую речь (на материале современного английского языка) / Е. О. Новицкая // Семантика и типология разносистемных языков : сб. науч. тр. / Ташк. гос. ун-т ; редкол.: Э. С. Азнаурова (отв. ред.) [и др.]. – Ташкент, 1986. – С. 83–89.
4. *Порозинская, Г. В.* Способы введения чужой речи при переводе с русского языка на английский язык : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Г. В. Порозинская ; Моск. гос. ин-т иностр. яз. – М., 1989. – 22 с.
5. *Светашова, Ю. А.* Конструкция с репрезентируемой речью: структура, семантика, функционирование : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. А. Светашова. – М., 2009. – 294 л.
6. *Лойка, А.* Як агонь, як вада... : раман-эсэ пра Янку Купалу / А. Лойка. – Мінск : Мастац. літ., 2000. – 478 с.
7. *Брыль, Я.* Ад сяўбы да жніва : апавяданні / Я. Брыль. – Мінск : Мастац. літ., 1989. – 598 с.
8. *Hornby, N.* About a boy / N. Hornby. – London : Penguin, 2000. – 280 p.
9. *Lodge, D.* Nice work / D. Lodge. – London : Penguin, 1989. – 384 p.
10. *Freud, E.* The sea house / E. Freud. – London : Penguin, 2004. – 279 p.
11. *Darling, J.* The taxi driver's daughter / J. Darling. – London : Penguin, 2004. – 264 p.
12. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Акад. навук Беларус. ССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Беларус. Сав. Энцыкл., 1977–1984. – 5 т.
13. *Бондар, Т.* Спакуса : раман / Т. Бондар. – Мінск : Юнацтва, 1989. – 397 с.
14. *Хомчанка, В.* Выбраныя творы : у 2 т. / В. Хомчанка. – Мінск : Мастац. літ., 1979. – Т. 1 : Аповесць, апавяданні. – 461 с.
15. *Contemporary British stories* / ed. K. Hawitt. – Oxford : Perspective Publ., 1994. – 231 p.
16. *The Concise Oxford Dictionary of Current English* / ed. D. Thompson. – 9th ed. – Oxford : Clarendon Press, 1995. – XXI, 1673 p.
17. *Быкаў, В.* Знак бяды : аповесць / В. Быкаў. – Мінск : Юнацтва, 1992. – 364 с.
18. *McEwan, I.* Atonement / I. McEwan. – London : Vintage, 2007. – 376 p.
19. *Сачанка, Б.* Горкая радасць вяртання : аповесці, апавяданні / Б. Сачанка. – Мінск : Мастац. літ., 1987. – 350 с.
20. *Smith, Z.* White teeth / Z. Smith. – London : Penguin, 2000. – 542 p.

21. *Хисматулина, А. М.* Глаголы, репрезентирующие прямую речь в современном английском языке: к вопросу о лексико-синтаксических связях : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. М. Хисматулина ; Моск. гос. пед ин-т иностр. яз. – М., 1975. – 30 с.

22. *Караткевіч, У.* Чорны замак Альшанскі : раман, апавесць / У. Караткевіч. – Мінск : Мастац. літ., 1983. – 357 с.

The article presents the results of a detailed analysis of manner-of-speech verbs used in authors' remarks in Belarussian and British modern fiction. Within this group of verbs, five subgroups are distinguished. Statistics and examples are provided within a comparative analysis. It is concluded that manner-of-speech verbs are used in both the discourses, but prevail in Belarussian authors' remarks, which reveals the position of co-authorship and a tendency of Belarussian authors to present not only the speech act itself, but the attitude of the initial speaker as well.

*Поступила в редакцию 25.05.2020*

**А. А. Лавицкий**

## СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМЫ СЕГОДНЯШНИЕ – РЕШЕНИЯ ВЧЕРАШНИЕ

В статье представлен критический взгляд на развитие судебной лингвистической экспертологии в Беларуси. Описаны недостатки используемых методологических подходов, а также предложены пути нивелирования проблем верификации результатов экспертной оценки текста в процессуально-судебной деятельности, очерчен круг юрислингвистических исследовательских вопросов, актуальных для современной правоприменительной практики.

Привлечение к процессуально-следственной и судебной деятельности специалиста-лингвиста не воспринимается сегодня противоречиво. Столкнувшись с проблемой невозможности объективного рассмотрения и правовой оценки ряда правонарушений, предметом совершения которых является текст, юриспруденция перестала возражать против активной экспансии науки о языке в сферы своей ответственности. Практика доказала состоятельность лингвистики как экспертного инструментария в правовом пространстве Беларуси. Однако в ряде случаев языкознание дискредитировало само себя, не справившись с необходимостью всегда давать неопровержимые результаты исследования продуктов речевой деятельности. Заключение экспертов и сегодня нередко содержат неоднозначные выводы, не дают полных и компетентных ответов на вопросы, определяющие качественные характеристики состава правонарушения. При этом многие проблемы, являющиеся камнем преткновения для активного развития лингвистической экспертизы текста в нашей стране, достаточно успешно разрешены зарубежными коллегами. Кроме того, очевидно, что отечественная юрислингвистическая практика ограничивается в своем проблемном поле, замыкаясь только на вопросах изучения формальных семантических и структурно-граммати-